

Роденбах Жорж

Мертвый Брюгге: Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж81

Ж81 **Жорж Р.**
Мертвый Брюгге: Роман / Роденбах Жорж – М.: Книга по Требованию, 2024. –
72 с.

ISBN 978-5-519-80899-6

ISBN 978-5-519-80899-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Онъ позовалъ старую служанку: „Барбъ!.. Барбъ!...“

Въ ту же минуту на порогѣ появилась женщина и, угадавъ, зачѣмъ ее звали:

— Баринъ,—сказала она,—я сегодня убирала гостинныя, потому что завтра праздникъ.

— Какой праздникъ?—спросилъ Гюгъ съ недовольнымъ видомъ.

— Какъ? баринъ не знаетъ? Завтра праздникъ Успенія Богородицы. Я пойду къ обѣднѣ въ бегинскій монастырь. Завтра все равно, что воскресенье. И такъ какъ завтра нельзя работать, я убрала гостинныя сегодня.

Гюгъ Віанъ не скрывалъ своего неудовольствія. Она вѣдь хорошо знала, что ему хотѣлось присутствовать при этой уборкѣ. Въ тѣхъ двухъ комнатахъ было слишкомъ много сокровищъ, слишкомъ много воспоминаній о ней и прежнихъ дняхъ: онъ не могъ дозволить служанкѣ ходить туда безъ него. Онъ желалъ наблюдать за ней, слѣдить за всѣми ея движеніями, внушать ей осторожность и почтительную заботливость. Онъ желалъ собственноручно—когда ей понадобится смести пыль—перекладывать съ мѣста на мѣсто драгоценныя бездѣлушки, вещи, принадлежавшія мертвой, подушки и экраны, вышитые ея руками. Ему казалось, что слѣды ея прикосновенія сохранились на всей мебели, на диванахъ и креслахъ, на которыхъ она сидѣла. Складки занавѣсей были сложены ея пальцами. Онъ думалъ, что нужно было съ величайшей предосторожностью стирать пыль губкой и тряпками съ свѣтлой поверхности зеркалъ, чтобъ не уничтожить ея облика, таившагося въ глубинѣ ихъ. Но, главнымъ образомъ, ему хотѣлось наблюдать за перестановкой портретовъ бѣдной покойницы, снятыхъ съ нея въ различныя эпохи ея жизни; они находились повсюду—на каминѣ, на столикахъ, на стѣнахъ. И еще, самое важное: его сокровище, волосы. Если бы съ ни-

ни что-нибудь случилось, это разбило бы его сердце. Ему не хотѣлось спрятать ихъ въ ящикѣ комода или въ какой-нибудь деревянной шкатулкѣ. Это значило бы похоронить ихъ въ гробницѣ! Ему было отраднѣй поставить на виду это безсмертное золото, какъ безсмертную часть своей любви!

Чтобъ безпрестанно созерцать ихъ, сидя въ большой гостиной, сохранившей прежнее убранство, онъ положилъ ихъ—сплетенные въ косу, сокровище, уцѣлѣвшее послѣ крушенія!—на пианино, клавишъ котораго больше никто не касался. Чтобъ предохранить ихъ отъ вліянія сырого воздуха, который могъ бы обезцвѣтить ихъ, онъ рѣшилъ спрятать ихъ—эта мысль была бы дѣтски наивной, если бъ она, въ то же время, не была такой трогательной—въ прозрачномъ ящикѣ, въ стеклянной шкатулкѣ. И ежедневно онъ приходилъ съ благоговѣніемъ глядѣть на нихъ.

Какъ у него, такъ и у всѣхъ предметовъ, безмолвно наполнявшихъ комнату, не могло возникнуть сомнѣнія, что эти волосы были связаны съ ихъ жизнью и являлись душой дома.

Барбъ, старая служанка, фламандка, немножко ворчливая, но преданная и заботливая, зная, съ какой осторожностью нужно относиться ко всѣмъ этимъ предметамъ, приближалась къ нимъ съ трепетомъ. Молчаливая, всегда въ черномъ платьѣ и чепцѣ изъ бѣлаго тюля, она походила на монастырскую привратницу. Она часто посѣщала бегинскій монастырь, гдѣ жила ея единственная родственница, сестра Розалія.

Благодаря посѣщеніяхъ монастыря и своимъ благочестивымъ склонностямъ, она привыкла къ безмолвію и приобрѣла скользящую походку, свойственную людямъ, привывшимъ ступать по церковнымъ плитамъ.

Гюга Віана не стѣсняло ея присутствіе въ домѣ—она поселилась у него вскорѣ послѣ его прибытія въ Брюгге,—именно потому, что она не оскор-

бляла его горя шумомъ и смѣхомъ. У него не было другой служанки, и Барбъ сдѣлалась необходимой для него, несмотря на ея невинный деспотизмъ, ея привычки набожной, старой дѣвы, ея желанія дѣйствовать по-своему, какъ, на примѣръ, сегодня, когда она, изъ-за завтрашняго праздника, убрала гостинныя, какъ ей хотѣлось, не считаясь съ его приказаніями.

Гюгъ подождать, пока она докончитъ уборку, и убѣдился, что дорогія ему вещи были цѣлы и стояли на своихъ мѣстахъ. Когда ставни и двери были заперты, онъ, успокоившись, пошелъ гулять, хотя на улицѣ, не переставая, накрапывалъ дождикъ, свойственный поздней осени, мелкій вертикальный дождикъ, который слезится, ткеть воду, исчерчиваетъ воздухъ, бороздитъ иглками ровную поверхность каналовъ, улавливаетъ и мертвитъ душу, какъ птицу, въ мелко сплетенныхъ, мокрыхъ сѣтяхъ.

II.

Ежедневно по вечерамъ Гюгъ прогуливался, не измѣняя маршрута; онъ проходилъ по набережнымъ каналовъ невѣрными шагами, немножко сгорбившись, хотя ему было не больше сорока лѣтъ. Вдовство состарило его преждевременно. Виски порѣдѣли. Въ волосахъ пробивалась сѣдина. Тусклые глаза глядѣли вдаль, въ „потусторонній“ міръ.

И какъ Брюгге былъ печаленъ въ эти сумеречные часы! Такимъ онъ любилъ его! Мертвенность этого города имѣла рѣшающее значеніе въ его намѣреніи поселиться въ немъ послѣ случившагося съ нимъ великаго несчастья.

Въ дни радости, когда онъ путешествовалъ съ своей женой, ведя скитальческую жизнь, поселяясь то въ Парижѣ, то за границей, то на берегу моря, онъ проѣздомъ заѣзжалъ въ Брюгге,—тогда

печаль этого города не могла омрачить его счастья. Но позже, оставшись одинъ, онъ вспомнилъ о Брюгге, и его внезапно осянула мысль, что онъ долженъ жить тамъ. Устанавливалась таинственная гармонія: съ воспоминаніемъ о мертвой женѣ согласовалась жизнь въ мертвомъ городѣ. Его безграничная скорбь требовала печали во всемъ окружающемъ.

Жизнь была возможна только при такихъ условіяхъ. Онъ пріѣхалъ сюда, подчиняясь инстинктивному чувству. Пусть жизнь волнуется, шумитъ, зажигаетъ свои праздничные огни, сливается свои тысячеголосые крики, — онъ нуждался въ глубокомъ безмолвіи, въ монотонномъ существованіи, почти переходившемъ въ небытіе.

Почему нужно молчать и ходить неслышными шагами въ комнатѣ больного? Почему кажется, что шумъ и крики бередятъ рану?

Люди, пораженные великимъ горемъ, тоже страдаютъ отъ громкихъ криковъ.

Гюгъ не такъ остро мучился, окруженный нѣмыми каналами и безжизненными улицами; онъ съ смягченной печалью думалъ о мертвой. Онъ яснѣй различалъ ее, представляя себѣ лицо ея, подобное лицу Офеліи, въ дали, очерченной линіями каналовъ; онъ слышалъ ея голосъ въ тишомъ, слабо доносившемся до него колокольномъ звонѣ.

Городъ, нѣкогда прекрасный, сіявшій своей славою, воплощалъ въ себѣ горечь его сожалѣній. Брюгге сливался съ образомъ его мертвой жены. Его мертвая жена сливалась съ образомъ Брюгге. Ихъ соединяла одинаковая судьба. Мертвый Брюгге возлежалъ въ гробницѣ своихъ каменныхъ набережныхъ; каналы, въ которыхъ пересталъ биться колоссальный пульсъ моря, были его походѣвшими артеріями.

Въ этотъ вечеръ Гюга болѣе, чѣмъ когда либо, угнетали мрачныя воспоминанія: они выплывали

изъ-подъ арокъ мостовъ, гдѣ обливались слезами лики невидимыхъ источниковъ. Мертвенностью вѣяло отъ запертыхъ домовъ, отъ оконъ, подобныхъ глазамъ, затемненнымъ предсмертнымъ страданіемъ, отъ стѣнъ, отражавшихся въ водѣ траурными ступенями. Онъ прошелъ по Зеленой набережной, по набережной Зеркала и приблизился—въ тихой грусти предмѣстья, вдоль канала, окаймленного тополями—къ Мельничному мосту. И все время его обвѣвалъ грустный колокольный звонъ, разливавшійся въ воздухъ, подобно холоднымъ капелькамъ, падающимъ изъ кропильницы въ минуту великаго отпущенія грѣховъ.

Среди безмолвія осенняго вечера, прислушиваясь къ шелесту послѣднихъ листьевъ, сметаемыхъ вѣтромъ, онъ сильнѣй, чѣмъ когда-либо, испытывалъ жажду покончить съ жизнью, умереть. Ему казалось, что спускавшіяся съ башенъ тѣни омрачали его душу, что тихій шопотъ доносился до него изъ глубины воды, что вода приближалась къ нему, подобно тому, какъ она приближалась къ Офеліи по словамъ могильщиковъ Шекспира.

Онъ уже не разъ испытывалъ подобное состояніе. Онъ слышалъ медлительныя увѣщанія камней. Онъ *ощущалъ приказаніе всего окружающаго слиться своей смертью со смертью города.*

Онъ ужъ давно и серьезно думалъ о самоубійствѣ. О, эта женщина! какъ онъ ее любилъ! Онъ еще видѣлъ ея глаза! Онъ еще слышалъ ея голосъ, звучавшій изъ глубинъ горизонта. Какой силой обладала эта женщина, всецѣло покорившая его себѣ, вырвавшая его изъ жизни послѣ своей смерти! Значить, существуетъ любовь, подобная плодамъ Мертваго моря, оставляющимъ во рту вкусъ пепла.

И если до сихъ поръ онъ сопротивлялся мысли о самоубійствѣ, то это только ради нея. Его дѣтская набожность возвратилась къ нему въ дни

горя. Охваченный мистическим настроением, онъ надѣялся, что жизнь не кончается небытіемъ и что они еще встрѣтятся. Религія запрещаетъ самоубійство. Это значило бы лишить себя жизни въ лонѣ Бога и утратить блѣдную надежду на свиданіе.

Такимъ образомъ, онъ продолжалъ жить. Онъ погружался въ молитвы, съ замираніемъ сердца представляя ее себѣ: она ждала его въ одномъ изъ непостижимыхъ садовъ неба; онъ мечталъ о ней въ церкви подъ звуки органа.

Въ этотъ вечеръ, проходя мимо церкви Богоматери, онъ вошелъ въ нее: эта церковь всегда привлекала его своей кладбищенской мрачностью. Повсюду, въ стѣнахъ и на полу—надгробныя плиты, съ изображеніями череповъ, съ полустертыми, зазубренными надписями, истерзанными, подобно каменнымъ ранамъ... Смерть уничтожала здѣсь смерть.

Но въ одномъ уголкѣ этой церкви ничтожество жизни рѣзко подчеркивалось неумирающимъ призракомъ любви, не исчезающей послѣ смерти: ради этого Гюгъ такъ часто посѣщалъ эту церковь. Въ глубинѣ одной изъ боковыхъ часовенъ находились гробницы Карла Смѣлаго и Маріи Бургонской. Какъ они были трогательны! Особенно она, нѣжная принцесса, съ скрещенными пальцами, съ головой, покоящейся на подушкѣ, въ мѣдной одеждѣ, съ ногами, опирающимися на собаку. символъ вѣрности, вытянувшаяся, оцѣпенѣвшая на саркофагѣ. Подобно ей, его покойница возлежала въ его мрачной душѣ. И придетъ день, когда онъ въ свою очередь, какъ герцогъ Карлъ, займетъ свое мѣсто рядомъ съ ней. Ихъ ожидалъ миръ смертнаго сна въ томъ случаѣ, если христіанскія надежды не осуществятся и не соединятъ ихъ.

Гюгъ вышелъ изъ церкви Богоматери совсѣмъ подавленный. Онъ направился къ своему жилищу

въ виду того, что приближался часъ, когда онъ обыкновенно возвращался домой къ ужину. Онъ старался возобновить въ своей памяти образъ покойницы, желая представить ее лежащей въ только что видѣнной гробницѣ. Но лица мертвыхъ, нѣкоторое время сохраняющіяся въ нашей памяти, стираются въ ней и уничтожаются, подобно незащищенной стекломъ пастели. Наши покойники вторично умираютъ въ нашей памяти.

Вдругъ, въ ту минуту, когда, благодаря страшной напряженности мысли и какъ бы глядя внутрь себя, онъ возстановлялъ наполовину стершіяся черты, его поразила наружность молодой женщины, приблизившейся къ нему. Онъ, обыкновенно, почти не замѣчалъ прохожихъ, вдобавокъ, рѣдко встрѣчавшихся. И эту молодую женщину онъ разглядѣлъ только тогда, когда она была совсѣмъ близко возлѣ него.

Онъ остолебѣлъ.

Женщина прошла мимо него. Она мелькнула, какъ видѣніе. Онъ пошатнулся, поднесъ руку къ глазамъ, словно желая отогнать отъ себя призракъ. Потомъ, послѣ минутнаго колебанія, онъ устремился за незнакомкой, удалявшейся въ медленномъ ритмѣ шаговъ. Онъ пошелъ быстрѣй, чтобъ догнать ее, перебѣгалъ съ одного тротуара на другой и, поравнявшись съ ней, посмотрѣлъ на нее въ упоръ.

Онъ не позволилъ бы себѣ такой безцеремонности, если бы эта женщина не являлась для него видѣніемъ. Она невозмутимо шла, не глядя на него, хотя, понятно, слышала его шаги возлѣ себя. Гюга все сильнѣй охватывало странное волненіе и растерянность. Онъ уже нѣсколько минутъ шелъ рядомъ съ ней, переходя изъ улицы въ улицу, то приближаясь, словно желая окончательно удостовѣриться въ чемъ-то, то съ ужасомъ отшатываясь въ ту минуту, когда онъ почти прикасался къ ней. Она устрашала и привлекала его, какъ поверхность

воды въ колодцахъ, когда стараются рассмотреть мельбающую на ней обликъ...

Да, на этотъ разъ онъ совершенно убѣдился. Цвѣтъ лица, въ тонахъ пастели, глаза, съ расширенными зрачками, погруженными въ перламутръ бѣлковъ. И когда онъ шелъ позади нея, онъ видѣлъ подъ черной шляпой и вуалью ея волосы, скрученные на затылкѣ, золотые волосы, цвѣта янтаря и шелковичныхъ нитей, желтого струящагося цвѣта. И дисгармонія между жуткой тьмой глазъ и сіяющимъ полднемъ волосъ...

Неужели онъ сходилъ съ ума? Или его взглядъ, стремясь воскресить образъ мертвой, отождествлялъ съ нимъ прохожихъ? Въ ту минуту, когда онъ восстанавливалъ образъ своей жены, эта внезапно приблизившаяся женщина явила его въ себѣ съ непостижимой реальностью. Какое волненіе испытывалъ онъ! Чудо возможности такого сходства поражало, почти повергая въ ужасъ!

И все: походка, ростъ, ритмъ движеній, выраженіе лица, мечтательность взгляда... а это уже не линіи и краски, а проявленія души... все воскресало, облекшись въ жизнь!

Гюгъ продолжалъ итти за ней съ видомъ лунатика, не отдавая себѣ отчета въ томъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, и ни о чемъ не думая. Онъ слѣдовалъ за ней по затуманенному лабиринту улицъ Брюгге. Подойдя къ перекрестку, отъ котораго улицы расходились въ разные стороны, онъ, чьего-то отставъ отъ нея, потерялъ ее изъ вида: она исчезла въ одномъ изъ узкихъ, извилистыхъ переулковъ.

Онъ остановился, глядя вдаль, съ намернувшими на глазахъ слезами...

Какъ эта женщина походила на его жену!

III.

Послѣ этой встрѣчи Гюга не покидала тревога. Когда онъ думалъ о жевѣ, передъ нимъ являлся образъ незнакомки. Она была живымъ воспомин-

наніємъ о покойницѣ. Она являлась передъ нимъ, еще болѣе похожая на его мертвую жену, чѣмъ образъ, сохранившійся въ его памяти.

Когда онъ, съ безмолвнымъ благоговѣніемъ, прикасался губамъ къ драгоценной косѣ или растроганно останавливался передъ однимъ изъ портретовъ, онъ представлялъ себѣ не покойницу, но похожую на нее незнакомку. Ихъ сходство было безусловно загадочнымъ. Казалось, что судьба сжалилась надъ нимъ и помогала его памяти, соединилась съ нимъ, чтобы бороться съ властью забвенія, подмѣнила свѣжимъ портретомъ тотъ, что ужъ сталъ было блѣднѣть — пожелтѣвшій и полустертый подъ вліяніемъ времени.

Теперь Гюгъ хранилъ въ своей памяти новый, отчетливый образъ покойницы. Ему стоило только представить себѣ старую набережную въ полумракѣ сумерокъ и приближавшуюся къ нему женщину, двойникъ его жены. Ему больше не нужно было заглядывать въ глубь ушедшихъ годовъ, достаточно было подумать о вчерашнемъ или позавчерашнемъ вечерѣ. Это было такъ близко и просто. Еще разъ удалось ему запечатлѣть въ своей памяти дорогое лицо. Новый образъ сливался съ прежнимъ, причемъ они усиливали другъ друга необычайнымъ сходствомъ, почти давая иллюзію присутствія покойницы.

Всѣ слѣдующіе дни Гюгъ жилъ, какъ очарованный. Значить, существовала женщина, обладавшая такимъ поразительнымъ сходствомъ съ потерянной имъ женой. Въ ту минуту, когда она приближалась къ нему, ему показалось, съ ужасающей отчетливостью, что жена его воскресла и подходила къ нему, какъ это бывало при жизни. Тѣ же глаза, тотъ же цвѣтъ лица, тѣ же волосы: копія ни въ чемъ не отличалась отъ оригинала. Странная причуда Природы и Судьбы!

Ему захотѣлось увидѣть ее еще разъ. Можетъ-быть, онъ никогда больше съ ней не встрѣтится...

Но, въ то же время, при мысли о томъ, что она живетъ въ этомъ городѣ и онъ можетъ опять съ ней увидѣться, онъ чувствовалъ себя не такимъ уже одинокимъ, безнадежнымъ вдовцомъ. Дѣйствительно, можетъ ли онъ считать себя вдовцомъ, если его жена находится только въ отсутствіи и появляется отъ времени до времени?

Ему казалось, что онъ встрѣтится съ своей мертвой женой, если опять увидитъ похожую на нее незнакомку. Съ этой надеждой онъ въ тотъ же вечерній часъ направился къ мѣсту ихъ встрѣчи. Онъ ходилъ по старой набережной, вдоль которой вытянулись почернѣвшіе дома. Изъ-за спущенныхъ кисейныхъ занавѣсокъ празныя женщины принялись слѣдить за нимъ, живо заинтересованныя его прогулкой. Онъ углублялся въ мертвыя улицы, въ извилистые переулки, надеясь внезапно увидѣть ее на какомъ-нибудь перекресткѣ.

Въ лихорадочномъ ожиданіи прошла цѣлая недѣля. Онъ сталъ думать о ней меньше, какъ вдругъ въ понедѣльникъ — онъ въ понедѣльникъ увидѣлъ ее въ первый разъ — онъ встрѣтился съ ней и сейчасъ же узналъ ее. Она приближалась къ нему той же медленной, размѣренной походкой. И онъ еще отчетливѣе, чѣмъ въ первый разъ, убѣдился въ ея несомнѣнномъ, ужасающемъ сходствѣ съ своей женой.

Отъ волненія его сердце почти перестало биться. Въ ушахъ зазвенѣло. Передъ его глазами разстиались, сливаясь, брачныя вуали, бѣлая кисея, процессія Причастницъ. Потомъ онъ явственно различилъ приблизившійся къ нему черный силуэтъ.

Безъ сомнѣнія, незнакомка замѣтила его волненіе, потому что она взглянула на него удивленно. О, этотъ взглядъ, воскресшій изъ небытія! Онъ уже не надеялся когда-либо увидѣть снова этотъ взглядъ, считая его погибшимъ въ землѣ. И вотъ